

аристократов не подходят ни по каким критериям, включая даже происхождение. А такого упрёка не допускает как раз *их собственная* теория «крови и почвы». Быть *новой* расой они тоже не могут, поскольку сами заявили об обратном. Кто же, собственно, — если не считать некоего отвлечённого теоретического принципа, — должен править?

Нацистские *биологи* больше всего сил уделили евгенике — улучшению человеческой породы. Однако даже в самом оптимистичном варианте расизма речь могла идти не о создании совершенно нового человека, а лишь о восстановлении той породы, которая была когда-то, очищенной как от вредных мутаций, так и от последствий межрасовых скрещиваний. А этого было явно мало.

Поэтому нацистские *мистики* всё время пытались разыскать неких сверхлюдей — от мудрецов Шамбалы до космических пришельцев, — которые и должны были править: среди людей кандидатов на эту роль не могло быть по определению. Согласно некоторым мемуаристам (Г. Раушнинг, А. Дельмас), Гитлер пытался спиритически общаться с этими сверхлюдьми, хотя потом рассказывал о таких сеансах с ужасом (Повель, Бержье 1994: 253—254). Были ли этот «сверхчеловек» действительно представителем или проявлением чего-то, пока не попавшего в поле зрения науки, был ли он искусным трюком (который мог разыгрывать, например, Хаусхофер) или чистым плодом шизофренического бреда самого Гитлера, в данном случае неважно. Важно другое: «вождь» и «человек твёрдой руки» ходил к своим «потусторонним хозяевам», как нашкодивший мальчишка-практикант — на ковёр к шефу. Так выглядел на деле арийский аристократизм, такое будущее должно было ожидать даже тех, кто принимал себя за «расу господ».

I.7.2. «Сущность нового учения о культуре»

Можно было бы успокоиться на мысли: всё это худо, пока ценности считаются врождёнными и наследственно закреплёнными. Если же связать их с культурой, передающейся не через наследственность, — такой теории не грозит опасность превратиться в нацистскую. Однако Розенберг не оставляет нам этой возможности. На четырёх страницах излагает от свой взгляд на культуру (Rosenberg 1934: 115—118).

Здесь явно заметны идеи О. Шпенглера о «культурной душе» — правда, без ссылки на источник (к 1934 году Шпенглер уже впал в немилость за отказ принять высокий пост и публичные насмешки над нацистским антисемитизмом, и его имя запрещено было упоминать в печати). Когда Розенберг называет всё это «новым» учением о культуре, — конечно, это ложь: ещё до О. Шпенглера оно было выдвинуто Н. Я. Данилевским, опиравшимся на идеи ранних славянофилов.

Но при этом Шпенглер, по крайней мере, знает свой предмет и рассуждает о нём с тонким вкусом ценителя. Порой он сравнивает несравнимое, порой с его оценками можно и нужно спорить, однако он осведомлён в том, о чём пишет, и способен на глубокий, хотя и пристрастный, анализ поэзии Шекспира и Гёте или живописи Рафаэля. Розенберг же производит впечатление человека, знающего только имена этих творцов, да и то с недавних пор. О Копернике и Августине Блаженном (Rosenberg 1934: 121) из его текста ясно лишь одно: первый — «наш человек», второй — «не наш». Остальное неважно. О сущности учения Коперника автор даже не упоминает.

Ниже упоминается «греческий миф гармоничности» (Rosenberg 1934: 320) — опять по Шпенглеру, опять нет ссылки. С учётом, что Шпенглер в тот момент был жив, но уже не мог публиковаться, это уже даже не литературный грабёж, а мародёрство, ограбление тяжелораненого автора. А в другом месте сановный «философ» ещё и пинает ограбленного: «Наши “философы” должны были бы прекратить искать в арабеске “магическую душу”...» (Rosenberg 1934: 368). Как известно, именно Шпенглер объединял византийскую и арабскую культуру под именем «магической».

«XIX век выявил во всей Европе три системы, сосуществующие бок о бок. Одной из них был изначальный, основанный на духовной свободе и идее чести нордический Запад; другая — законченная римская догма покорной, смиренной любви на службе объединённого правящего духовенства; третья было явным предвестником хаоса: безграничный, материалистический индивидуализм с целью экономико-политического мирового господства денег как объединяющей, типобразующей силы.

Эти три силы боролись и борются за душу каждого европейца. В прошлом столетии призывали к борьбе и смерти также во имя свободы, чести и народности. Победили, однако, в 1918 г. силы плутократии и римская церковь. Тем не менее, посреди самого страшного крушения прежняя нордическая расовая душа пробудилась к новому, более высокому сознанию. Она осознаёт, наконец, что это равноправное одновременное существование разных — но с неизбежностью исключаящих друг друга — высших ценностей невозможно, как она это когда-то великодушно полагала, к своему нынешнему несчастью. Она понимает, что можно присоединять расово и психически родственное, но что чуждое должно решительно отбрасываться, а если нужно, то и побеждаться. Не потому, что оно “фальшиво” или “плохо” само по себе, а потому, что оно чужеродно и разрушает внутреннюю структуру нашей сущности. Мы чувствуем это сегодня как долг дать себе до конца ясный самоотчёт и либо признать свою ответственность за высшую ценность и несущие идеи германского Запада, либо быть отброшенными духовно и телесно. Навсегда.

Подлинная сегодняшняя борьба ведётся не столько за внешний переход власти при внутреннем компромиссе, как до сих пор, а, напротив, за восстановление духовных клеток нордически-ориентированных народов, за восстановление в их праве на господство неких идей и ценностей, от которых происходит всё, что значит для нас культура, и за сохранение для нас расовой субстанции» (Rosenberg 1934: 118—119).

Поэтому невозможна никакая «беспредпосылочная наука» или «чистое искусство» (Rosenberg 1934: 119—120). И то, и другое порождается «культурной душой» с её «высшей ценностью» и в другой духовной среде либо не может существовать, либо полностью меняет свой смысл. Опять идея Шпенглера («у каждой культуры своя математика»), и опять без ссылки на опального предшественника. Впрочем, «во всей расологической литературе <...> плагиат и компиляция — основные методы» (Колчинский 2007: 158). И это не просто личная особенность расистов, а принципиальная позиция: как и все мистики, они убеждены, что не высказывают новые идеи, а лишь заново напоминают о вечных истинах, существовавших всегда, до любого автора. Внести в них нечто своё так же невозможно, как в таблицу умножения, поэтому имя на титульном листе обозначает не авторство идей, а лишь согласие с ними и личную манеру их изложения. Создатель любой новой книги для мистика — не творец, а всего лишь дирижёр, в очередной раз аранжирующий одну

и ту же вечную тему. Слово «плагиат» ему так же непонятно, как непонятно кошке, что рыба на кухонном столе — не охотничья добыча, что она уже чья-то.

Конечно, то, что автор называет «расовыми» ценностными системами, — на самом деле сословные этосы (дворянства, духовенства, буржуазии), их связь с какими-либо этническими группами — вымысел, к тому же опять-таки не самого Розенберга: у его истоков стоят Буленвилье и Гобино, а в дофилософском виде такие представления существовали ещё в глубочайшей древности. В склонности к подобным выводам — характерная опасность этнопсихологии, поневоле сводящей личные черты характера (по определению индивидуальные и потому плохо поддающиеся проверяемому эксперименту) к типичному, массовому случаю.

На самом деле различия в национальном характере касаются не столько ценностей, сколько их иерархии, а главное — *стиля* поведения. М. Оссовская (1987) убедительно показала сходство этоса благородного сословия у самых разных народов, отделённых друг от друга и временем, и пространством, причём в основе этого сходства лежит общность социального бытия. Это доказывается уже тем, что стиль жизни, свойственный европейскому рыцарству или гомеровским царям, легко обнаружить и у японских самураев, хотя за всю историческую эпоху в Японии не было «этнических смешений». Даже в цивилизациях, изолированных от внешнего мира, на соответствующих стадиях развития складывалось своё дворянство и своя буржуазия, и их психология различалась так же, как в Европе, и по тем же причинам (пример — та же Япония).

I.8. Понимание мифа

Если понятию расы Розенберг так и не дал чёткого определения, то для мифа он его пытается дать:

«Ценности характера, линии духовной жизни, пёстрые тона символов бегут рядом друг с другом, переплетаются и все же дают в итоге человека. Но только тогда во всем полнокровном изобилии, если они сами являются следствиями, рожденными единым центром, который лежит по ту сторону всего, что поддается опытному (эмпирическому) исследованию. *Это неувимое резюме всех направлений "Я", народа, вообще общности, составляет его миф.* Мир богов Гомера был таким мифом, который и далее защищал Грецию и поддерживал её, когда чуждые люди и ценности начинали преодолевать эллинизм. Миф красоты Аполлона и силы Зевса, космической необходимости судьбы в космосе и таинственной связи с человеческим существованием был тысячелетним деянием греков, хотя только у Гомера он проявился с типобразующей силой» (Rosenberg 1934: 459; выделено мной — Л. М.).

Единственный раз Розенберг даёт определение хотя бы одного из своих основных понятий — и определение это неудовлетворительно. Мифом у него оказывается иррациональный формообразующий *принцип* культуры, а дальше речь в тексте идёт уже о *повествовании*, раскрывающем этот принцип.

Между тем при желании Розенберг мог бы назвать авторитетных предшественников, видевших в мифе не только «неувимое резюме всех направлений "Я", народа», но и орудие контроля над массами со стороны духовных элит. Это афинский тиран Критий (см.: Секст Эмпирик: 1976: I, 253) и его двоюродный племянник Платон с его «благородным вымыслом» о происхождении граждан (Государство III 414c — 415d), Рихард Вагнер и Фридрих Ницше с его идеями, «за счёт которых жи-